

Раздел 2 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ И УРАЛА

А. М. Сафронова

ВКЛАД В. Н. ТАТИЩЕВА В ФОРМИРОВАНИЕ СОБРАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ В 1734 – 1737 гг.

Наличие собрания действующих законов — необходимое условие деятельности любых государственных учреждений во все времена. На горно-заводском Урале в 30-е гг. XVIII в. нужда в текстах законодательных актов обострилась как никогда. Расширение функций самой Канцелярии Главного правления заводов, работа над Горным и Заводским уставами, появление новых заводских контор на местах в связи со строительством новых казенных предприятий приводили к необходимости иметь большее число экземпляров законодательных актов. Порой приходилось тиражировать тексты законов путем копирования. Так, в ноябре 1735 г. по требованию новой заводской конторы строящегося Сылвинского завода Канцелярия Главного правления заводов предписала: «...с указов... Петра Великого, которые велено иметь на судейских столах, яко зеркало, списав копии, туда сообщить»¹.

В ГАСО нами обнаружен ряд ранее не известных документов, позволяющих говорить о большой роли В.Н. Татищева, начальника казенных заводов Урала, в формировании собраний законодательных актов, необходимых в деятельности заводского ведомства.

В делах Канцелярии Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов имеется копия счета, отправленного в Кабинет министров Татищевым 14 июня 1735 г. В этом документе подробно расписывалось, когда, где, какие предметы, на какую сумму были приобре-

тены на пути от Москвы до Екатеринбурга на полученные из Московской рентереи 2 500 казенных рублей на предстоящий путь в Екатеринбург.

Счет был окончательно составлен через восемь с половиной месяцев после прибытия Татищева с командой в Екатеринбург. Среди многочисленных покупок, совершенных в Москве, числились и книги. В список приобретенных книг вошли 44 издания по меньшей мере 22 авторов на сумму 85 руб. 12 коп. включая плату за переплет. Книги были разбиты на 4 тематических группы: «к заводским делам», «в лабораторию», «для переводу и разумению языков», «указных книг указов печатных».

Список книг, приобретенных к заводским делам, открывают две работы по горному законодательству — «Спан. Устав горный. Гертва. Права горные». Автором первой книги «*Speculum Juris Metallici oder Berg-Rechts Spiegel...*», изданной в Дрездене в 1698 г., был Спан Себастиан — известный немецкий юрист, специалист по горному праву конца XVII в. Вторая книга — это «*Hertwig, Christoph. Neues und vollkommenes Berg-Buch...* Dresden; Leipzig, 1710». Эти книги, форматом «в двойку», в 1775 г. были отправлены в Горное училище в Петербург и хранятся ныне в библиотеке Ленинградского горного института².

Татищев знал, что на Урале ему предстоит разработка законодательства, регламентирующего взаимоотношения государства и частных заводчиков. По своей инициативе он взялся за это, включил специальный пункт о составлении законов в инструкцию о своих обязанностях, подписанную в марте 1734 г. императрицей Анной Ивановной и получившей, таким образом, силу закона. Безусловно, западно-европейское горное законодательство представляло большой интерес, из него можно было извлечь немало ценного и использовать во благо России³.

Покупка «указных книг указов печатных», как отмечено в счете, состоялась 11 июня. По поводу их приобретения записано: «по словесному приказу... Татищева... чинены покупки, расписки есть... а указу о тех покупках и расходе не имеется»⁴, и далее упомянуты «печатные указные разных годов книги» ценой 6 руб. 61 коп.: указы «с 714 по 719 год», «с 719 г. по 722 год», «727 году», «728 году», «Вексельной устав», «Разные указы не всего 731 году», «Разные ж указы не всего 732 году», «733 всего году», «несколько указов 734 году». Через две страницы снова запись: «По словесному ж его превосходительства приказу записано ж в расход, а указу и в приеме денег росписок не имеется», и указаны 54 копейки «за Генеральной и Адмиралтейской регламенты»⁵.

Как уже отмечалось нами, партия иностранной литературы, видимому, целиком была передана для нужд заводов из личного собрания Татищева с возмещением цены книг. Об этом свидетельствуют владельческие записи, сделанные на ряде книг рукой Татищева о приобретении их ранее за рубежом⁶. Вероятно, и сборники законов были из личной

библиотеки Татищева, хранящейся в его подмосковном имении в Болдино. Косвенным подтверждением тому может служить информация счета об отсутствии необходимых в таких случаях указов, расписок. К тому же, если бы сборники приобретались в Москве, то наверняка среди них должны были оказаться новейшие издания – копии указов 1719, 1720 и 1721 гг., вышедшие из печати в форме сборника в 1733 г.⁷

Обратим внимание: среди сборников указов есть «Разные указы не всего 731 году», «Разные ж указы не всего 732 году», «733 всего году», «несколько указов 734 году». Такие сборники в печати не издавались, следовательно, печатные указы в них были подобраны частным лицом, вполне вероятно – самим Татищевым, всегда проявлявшим особый интерес к издающимся законодательным актам.

Особое место в ряду законодательных актов занимали Генеральный и Адмиралтейский регламенты. Генеральный регламент, изданный в 1720 г., стал основным законом, регламентировавшим деятельность государственного аппарата Российской империи. Его нормами должны были руководствоваться как центральные, так и местные учреждения «ради порядочного управления государственных своих дел». Впервые в этом документе на законодательном уровне были определены обязанности высших и низших служителей от президента коллегии до копииста, введены новые формы делопроизводства и отчетности, многочисленные разновидности документов, которых не было ранее⁸.

Адмиралтейский регламент, изданный в 1722 г., широко использовался в судебной практике российских учреждений. «Регламент о госпиталях, и о должности определенных при них комиссаров, докторов, писарей и протчих», изложенный в главах 47–52 Адмиралтейского регламента⁹, применялся в деятельности госпиталей Горного ведомства. Присланные на Урал в начале 1720-х гг. из центра, эти законодательные акты наверняка истрепались от постоянного пользования.

Были ли переданы собрания законов из личного собрания Татищева или часть их приобретена на книжных рынках Москвы, не важно, главное, что благодаря своевременной инициативе Татищева заводское ведомство было обеспечено новейшим российским законодательством за последние 20 лет, за период 1714–1734 гг. И это не случайно. Татищев не раз в своих трудах обосновывал необходимость для страны четких, разумных законов, а для подданных — знания их. В «Разговоре двух приятелей», над которым Татищев работал как раз накануне приезда на Урал, он рассмотрел вопрос о различиях между законами Божественными и государственными, раскрыл порядок принятия последних, изложил требования к формулировке законодательных норм и т. п. Он придавал большое значение знанию законодательства для правильного ведения дел, в том числе судебных¹⁰.

Уже через месяц по прибытии на Урал, 9 ноября 1734 г., Татищев «с товарищи» решили: «ради судебных и розыскных дел быть особливою конторе и приказу, там же быть земским крепостным и полицмейстерским делам, главным судьей быть майору Миклашевскому, для безгласных казенных и партикулярных дел быть адвокатом с ВИЗа Назарьеву, полицмейстером — поручику Семену Сикорскому», секретарем назначался Ф. Кузнецов¹¹. Такая контора существовала с 1723 по 1727 г., а в 1727 г. была «сообщена» к Сибирскому обер-бергамту.

2 января 1736 г. последовало решение об открытии Конторы земских и юстицких дел во главе с майором Михаилом Миклашевским (на практике утвердилось название Конторы судебных и земских дел). 27 января в Канцелярию поступило доношение от Миклашевского и назначенного полицмейстером поручика Алексея Зубова: «к решению дел указы, Уложение, новоуказные статьи и пополнительные указы, и регламенты, и прочие государственные права, уставы и инструкции повелено б было от Канцелярии Главного правления сообщить во оную контору, дабы за неимением оных в решении дел не учинить, что противного правам, и не впасть в погрешение и штраф»¹².

В связи с этим 31 января 1736 г. члены Канцелярии А. Хрушов и Н. Клеопин постановили: «для решения дел Уложение, указы и уставы, и другие права в тою контору сообщить с описью»¹³. Опись этих правовых актов уже через день была отправлена в Контору земских и юстицких дел. Она весьма показательна, поэтому приведем ее полностью.

Опись уставом и указом, которые	
надлежат к правлению земских и юстицких дел	Листы
Соборное Уложение в переплете	на 338
Устав о мирских торговых портах	на 25
Адмиралтейской регламент	на 108
Инструкция от земли комиссара и	
полковничья, и плакат в одном переплете	на 17
1728. Наказ губернатором и воеводам	на 16
1729. Устав [о] соляных промыслах	
и плакат с пополнением или пунктами	
в одном переплете	на 30
1731. Регламент Камор-коллегии	на 18
Стат о конской площадке	на 3
Копии с пополнительных указов	
сверх Уложения о взятые печатных пошлин	на 8.

Уральское начальство предписало: «а что сверх того к выпискам и справкам потребно будет, о том справляться з делами, которые были в прежде бывшей земской и потом в земском повытье и в Арамильской

земской канторе, которую определено сообщить ко оной же (Екатеринбургской. — А. С.), а другие, яко указные книги и тому подобное, брать из Главной Канцелярии заводов правления к выпискам, когда понадобятся»¹⁴.

Несколькими днями ранее, 27 января, уральское начальство заслушивало доношение от подчиненного томского и кузнецкого горного начальства о требовании «приличных к юстицким делам указов и Уложения», на что определило: «отдать в кантору судебных и земских дел и от оной приличные указы к юстицким делам и Уложение в Томское и Кузнецкое горное начальство отослать немедленно»¹⁵.

Через несколько дней после поступления этих заявок Татищев во второй раз выступил в качестве продавца своих книг в пользу заводов. При просмотре протоколов заседаний Канцелярии Главного правления заводов в одном из них за 30 января 1736 г. нами обнаружена короткая запись: «На ведение и при том роспись от... Василья Никитича Татищева о приеме от него собственных его книг и о выдаче ему за оные по указанной цене денег семи рублей дватцати пяти копеек определено: книги приняв, деньги, как в росписи показано... выдать ему... от Казначейской канторы земскому судие Стефану Неелову и куда оные книги требуютца, с росписками розослать при указе»¹⁶. По сути, это прямое указание на то, что Татищев во второй раз, уже открыто, оформил продажу книг из своей личной библиотеки, привезенной на Урал, в пользу заводов.

Роспись этих книг в делах Канцелярии 1736 г. нам обнаружить, к сожалению, не удалось. Но она имеется в одном из дел 1741 г., входит составной частью в реестр, составленный в связи с передачей дел от регистратора Канцелярии И. Аистова канцеляристу Ф. Кабакову в апреле 1741 г.¹⁷ Эта роспись имеет название «Книг печатных, которые куплены здесь в 1736-м году у тайного советника господина Татисчева». В росписи указывается название издания, число страниц в нем, количество приобретенных экземпляров. Судя по росписи, Татищев в январе 1736 г. передал из своей библиотеки в пользу заводов по меньшей мере 13 экземпляров законодательных актов десяти названий, в том числе три издания в двойном экземпляре.

Среди них : «Военный артикул на русском и немецком языках во французском переплете», «Генеральных регламентов 2», «Договоров с короной аглинскою о торгах на русском и аглинском языках 2», «Морской Пошлинной Устав 1731 г.», «Тариф портовой», «Табель о рангах 1722 г.» Далее следовали три сборника «указных», т. е. содержащих указы: «с 1714 г. по 1719», «с 1727 по 1728», «с 1728 по 1729», и отдельно два экземпляра «Присланных с 1714 г. генваря по 28-е число 1725 году из Государственного Генерал-берг-директориуму».

Чем можно объяснить, что Татищев во второй раз выделил из своей личной библиотеки и передал за плату для общественных нужд эту пар-

тию литературы? Только одним — острой нуждой в ней работников Канцелярии Главного правления заводов и контор, отсюда и указание Канцелярии: «и куда оные книги требуютца, с росписками розослать при указе»¹⁸. Основным же поводом, несомненно, послужило требование законодательных актов в новообразованную Контору земских и юстицких дел: 27 января 1736 г. было подано ее требование, 30 января Татищев передал свои законодательные акты. Возможно, часть переданных Татищевым изданий была отправлена в Томск и другие начальства.

Если допустить, что сборники указов, Генеральный регламент в этой партии были оценены Татищевым так же, как и аналогичные экземпляры в первой партии 1734 г., а Военный артикул, как и посланный из Академии наук в 1736 г., то цена 6 книг из 13 составит 303 коп. Логично допустить, что оставшиеся 7 книг стоили дешевле остающейся суммы в 422 коп., т. е. подавляющее большинство книг, переданных Татищевым в 1736 г., присутствуют в этом списке, но не все. Обратим внимание на то, что три сборника копий указов с аналогичными названиями уже были переданы Татищевым в пользу заводов в 1734 г., как и Генеральный регламент.

Попытаемся определить, какие издания могли оказаться в этой партии и каково их содержание. Указание в отношении «Артикула воинского», что он издан параллельно на двух языках, позволяет утверждать, что Татищев мог передать в пользу заводов 3-е издание 1715 г. или новейшее 1735 г., также напечатанное на двух языках¹⁹. Указание же о наличии в «Артикуле» 255 страниц помогает точно определиться: Татищев передал в пользу заводов новейшее издание 1735 г., т. к. издание 1715 г. имело совсем другую пагинацию (18 нумерованных, 283, 14 с.). Интересно отметить, что в каталоге библиотеки Татищева 1737 г. «Артикул воинский» отсутствовал. Получается, что он расстался со своим единственным, только что приобретенным экземпляром.

Два экземпляра Генеральных регламентов, переданных Татищевым в пользу заводов, могли быть изданиями 1720 или 1725 г.²⁰, но скорее всего это новейшие издания 1735 г. В пользу этого свидетельствует указанное в реестре число страниц — 41. Генеральный регламент 1735 г. издания имел именно 41 нумерованную страницу, что, видимо, и зафиксировали в реестре, и 3 нумерованных. В ранних же изданиях пагинация иная (40, 2, 1 нумерованная, 40, [2] с.).

Поскольку Генеральный регламент являлся настольной книгой в государственных учреждениях России, на его основе велось все делопроизводство, Татищев и заказал в Академию наук новейшее издание 1735 г., причем в двух экземплярах, учитывая его дешевизну. Отметим, что в каталоге личной библиотеки Татищева в 1737 г. Генеральный регламент,

как и «Артикул воинский», не числился, т. е. Татищев остался без собственного экземпляра.

Под «Договором... о торгах» следует иметь в виду «Трактат о дружбе и коммерции, между Российской империею и короною Великобританскою заключенный в Санктпетербурге декабря в 2 день»²¹. Он был опубликован в типографии Академии наук в 1735 г. Текст занимал 24 страницы, «в двойку». Заглавие текста давалось параллельно на русском и французском языках, но не английском, как ошибочно указали делопроизводители Канцелярии в реестре 1741 г. Не зная иностранных языков, они, видимо, исходили из того, что раз договор с Англией, значит, и язык в заглавии — английский²².

Опять-таки Татищев передал в Канцелярию свежий документ, присланный ему в Екатеринбург в 1735 г. (может быть, в январе 1736 г.), и снова в двух экземплярах. Поскольку Россия активно торговала с Англией, туда отправлялось уральское железо, Татищеву интересно было иметь документ, на межгосударственном уровне регулировавший торговые взаимоотношения двух стран.

«Морской пошлинной устав 1731 г.», переданный Татищевым, — это Морской пошлинный регламент²³. Такой документ числится и в каталоге личной библиотеки Татищева под № 473²⁴, т. е. этот законодательный акт был в библиотеке Татищева в двух экземплярах, и одним он поделился с казной, опять-таки, видимо, в связи с возможными торговыми контактами с другими странами, связанными с вывозом продукции уральских и сибирских заводов.

«Тариф портовой» издавался трижды: в январе и марте 1724 г. и в 1731 г.²⁵ Первое и второе издание по содержанию ничем не отличаются друг от друга. Полное название документа: «Тариф санктпетербургского, выборского, нарвского, архангелогородского, кольского портов». Он содержал: 1) «Звание привозным товаром к россииским портам», 2) «Звание отвозным товаром от россиискых портов», 3) уточнение о вывозе и пошлине некоторых товаров. Далее шел перечень товаров, считавшихся галантерейными. Текст давался в 4 графах, где указывалось название товара, размер пошлины с них в рублях и копейках, размер процентов с оценки. Названия товаров, ввозимых в эти порты и вывозимых из них, располагались в алфавитном порядке (ПСЗ, Книга тарифов, XLV) Тарифы 1724 г. издания имели 34 страницы, 1731 г. издания — 32, как и татищевский, т. е. в библиотеку было передано издание 1731 г., имевшееся в личной библиотеке Татищева в двух экземплярах.

Табель о рангах издавалась дважды: в январе и октябре 1722 г. в Москве и Петербурге²⁶. Во втором издании в 5-й ранг введена должность архиатера, это издание Табели опубликовано и в ПСЗ. Табель открывают 4 таблицы, в которых в трех графах расписаны чины воинские, статские и

придворные, при этом воинские подразделены на сухопутные, гвардейские, артиллерийские, морские. За таблицами следует 19 пунктов, «каким образом со оными рангами каждому поступать надлежит». В Табель были включены и чины горного ведомства.

С.М. Троицкий в своем исследовании подробно раскрыл ход разработки, содержание и значение этого документа²⁷. Отметим главное: в Табель были включены 262 должности, поделенные на 14 классов. Все должности государственных и придворных учреждений приравнивались к соответствующим воинским чинам, расписывалось титулование чиновников и офицеров, устанавливался порядок чинопроизводства. Если ранее монарх жаловал дворянство отдельным лицам за определенные заслуги, то Табель впервые устанавливала общероссийский порядок получения личного, а затем и потомственного дворянства выходцами из непривилегированных слоев. Этот петровский законодательный акт наносил окончательный удар местничеству.

Для Канцелярии Главного правления заводов Табель о рангах являлась важным документом: на ее основе велось продвижение в чинах, делались представления о присвоении рангов. Поскольку в каталоге личной библиотеки Татищева 1737 г. этот документ не числился, следовательно, Татищев передал для казенных нужд свой единственный экземпляр.

Наряду с этими законодательными актами Татищев передал в казну и три сборника «указных», содержащих копии указов: «с 1714 г. по 1719», «с 1727 по 1728», «с 1728 по 1729». Попытаемся определить, какие это были издания. Начнем с первого. В санкт-петербургской типографии вышло три сборника, подобных ему. Первый назывался: «Копии всех его царского величества указов, Публикованных от 1714 Года, с Марта 17 Дня. По нынешней 1718 Год» (вышел из печати в марте 1718 г.)²⁸. В него вошло 50 законодательных актов 1714–1717 гг. (термин «по» в XVIII в. зачастую использовался в значении «до», как и в этом случае). Объем этого сборника — 127 страниц.

Второй сборник копий указов («от 1714 Года с Марта 17 Дня. По нынешней 1719 Год») включал уже 88 указов 1714–1718 гг. (издан в марте 1719 г., 225 с.). Третий сборник включал указы «с 1714 по 1719 год», т. е. фактически по 1718 г., содержащиеся в предшествующем издании, «с приобщением к ним собранных в Сенате, состоявшихся указов же»²⁹. Этот наиболее полный сборник включал 130 указов (издан в 1724 г., 413 с.). Если исходить из названия, то Татищев мог располагать как вторым, так и третьим изданием. Определиться более точно не позволяет указанное количество страниц: в «татищевском» оно — 308, не совпадает ни с одним из изданий. Но логично предположить, что это третье, наиболее полное издание, из которого намеренно был выделен ряд важных законодательных актов и для удобства пользования переплетен отдельно

(либо это второе издание, напротив, дополненное рядом самостоятельно изданных указов).

Поскольку в «Описании изданий гражданской печати» названы номера указов, вошедших как во второй, так и в третий сборники, под этими номерами они описаны в этом справочнике как самостоятельные издания, можно установить названия законодательных актов, имевшихся в обоих сборниках, которые оказались переданными в Канцелярию. Назовем наиболее важные указы. Особенно много их за 1714 год: о должности фискалов; о порядке подачи челобитных, коллегиальном решении дел большинством голосов и подписи протоколов с внесением особых мнений в них; о производстве в обер-офицеры; о решении дел по Уложению и указам, изданным в дополнение к нему; о правилах постройки домов, судов в Петербурге; о правах на покупку недвижимости; о единонаследии; о правилах торговли некоторыми товарами и запрете вывоза серебра за рубеж; о явке всех дворян и их детей на смотр в Петербург и наказании ослушников; о запрещении каменного строительства в России на несколько лет в связи с медленной застройкой новой столицы; о привозе всяким судам, идущим с Ладоги, дикого камня в Петербург; о явке беглых солдат, рекрутов, матросов; о запрете служилым лицам брать посулы и подряды и заниматься торговлей; о запрете торговать русским платьем и сапогами, носить русское платье и бороды.

За 1715–1718 гг. указов в сборниках значительно меньше: 1715 г. — о порядке выплаты жалованья приказным людям; о запрете носить сапоги, подбитые скобами и гвоздями; 1716 г. — о награждении за разысканные по присланным образцам краски; 1717 г. — о запрете вести дела в частных домах или на улицах и штрафовании судей и челобитчиков за нарушения в пользу госпиталя; о запрете носить золото и серебро и играть «в деньги»; о найме рекрутов; о беглых рекрутах (дополнение в Воинский устав); 1718 г. — нанимающимся на частные мануфактуры в мастеровые люди и ученики иметь свидетельства; о порядке подачи донесений царю; о запрете чеканить мелкие деньги; о посещении по воскресеньям и праздникам церкви, об обязательной ежегодной исповеди, о закрытии по воскресеньям лавок; о новой монете; об отсылке стариков и нищих в богадельни, а прочих, после наказания, на прежнее место жительства, молодых же — в работу; о запрете писать письма, запершись; кому на кого бить челом; о порядке подачи челобитных.

Даже беглый перечень именных указов, содержащихся в сборниках, показывает, что они являлись важными справочными пособиями, необходимыми в работе Канцелярии Главного правления Казанских и Сибирских заводов, руководившей казенными заводами на огромной территории страны от Казани до Нерчинска, тысячами мастеровых и приписных к заводам крестьян. Уральская Канцелярия под руководством Татищева

получила широкие права на принятие самостоятельных решений. Безусловно, такому учреждению, имевшему ряд повытий, требовались сборники, включавшие тексты действующих законодательных актов.

Печатные указы по мере издания рассылались по стране, но, поскольку горное управление возникло на Урале лишь в 1720 г., при молодом Татищеве-капитане, эти важнейшие царские указы в горно-заводском управлении отсутствовали. Поэтому передача Татищевым сборников указов за 1714–1718 гг. в Канцелярию имела важное значение: здесь ими могли пользоваться как члены правления, так и делопроизводители, наводившие справки по тем или иным вопросам к слушанию на заседаниях.

Татищев, видимо, располагал двойными экземплярами как второго, так и третьего сборника указов: под № 73 в каталоге его личной библиотеки продолжали числиться «Копии его императорского величества указов от 1714 до 1719» в двух экземплярах ценою 1 руб. 20 коп. Заметим, третий сборник указов, как и второй, имел реестр указов, но он был более сложным, при упоминании указа на определенную тему назывались и страницы, где размещались другие однородные акты, т. е. имел место прообраз некоего предметного указателя. Указы с разнородным содержанием подробно освещались. Таким образом, третий сборник имел расширенный перечень указов, более совершенный указатель, поэтому Татищев, на наш взгляд, мог иметь двойной комплект этих сборников.

Наличие у Татищева двойных экземпляров законодательства не случайно. Какой бы пост он не занимал, на любом оставался в первую очередь государственным человеком, следил за политикой верховной власти, выражавшейся в законах. Именные указы Петра I — это сгусток его новых идей, претворявшихся в жизнь замыслов его реформ. Известно, что Татищев был одним из «птенцов гнезда Петрова», страстным поклонником и активным претворителем в жизнь петровских начинаний. Эти сборники представляли для него большой интерес как важный источник петровских идей и как практическое руководство к действию на том или ином государственном посту. В свое время один сборник он мог иметь в своей библиотеке в родовом имении в Болдино под Москвой, другой — при себе в Москве, когда трудился в Монетной конторе.

Сборники именных указов за 1727 и 1728 гг., переданные Татищевым из личной библиотеки в Канцелярию в январе 1736 г., были аналогичны переданным в составе первой партии в 1734 г., т. е. Канцелярия стала располагать двойными экземплярами.

Кроме того, Татищев передал и два экземпляра нормативных актов под названием: «Присланных с 1714 г. генваря по 28-е число 1725 году из Государственного Генерал-берг-директориуму». Генерал-берг-директориум был создан в августе 1736 г., указ об этом прибыл в Екатеринбург

только в ноябре 1736 г.³⁰ Поэтому логично предположить, что прежнее название центрального органа управления горно-заводской промышленностью (Берг-коллегия), имевшееся в перечне в январе 1736 г., было переправлено на Генерал-берг-директориум при составлении реестра книг в 1741 г.

Из названия этих двух сборников следует, что Татищев собирал указы, касавшиеся развития горного дела в России начиная с 1714 г., когда Берг-коллегия еще не существовало (она появилась в 1718 г.), по январь 1725 г. и, заметим, имел два экземпляра этих актов. По сути, это были сборники, сформированные лично Татищевым. Само их появление на свет свидетельствует о большом интересе, проявленном Татищевым к политике верховной власти в отношении развития горно-заводской промышленности. Заметим, хронологические рамки этих сборников охватывали период правления Петра I. Среди них была, видимо, и Берг-привилегия 1719 г., которая разрешала поиск руд и минералов на любых землях, одобряла открытие предприятий для их добычи и переработки. Вероятно, Татищев начал собирать законодательные акты, касавшиеся горно-заводской отрасли, в связи с пребыванием на посту начальника казенных заводов Урала в 1720–1722 гг. Поскольку в начале ноября 1724 г. Татищев отправился в Швецию и вернулся в Петербург лишь в мае 1726 г., ясно, что последние указы этого сборника были приобретены им уже после возвращения в столицу. Вероятно, документы не дублировались друг друга, а распределялись внутри сборников по хронологии, таким образом, второй сборник являлся продолжением первого. Без сомнения, помещенные в этих сборниках указы представляли большой интерес для членов уральского горного правления. Они могли использоваться в повседневной практике управления при решении тех или иных вопросов.

В конце 1736 г. Татищев узнал из присланного к нему каталога книг, печатавшихся в Академии наук, что готовится новое издание Соборного уложения. 24 декабря на заседании Канцелярии рассматривалось доношение Томского горного начальства, в котором речь велась и о наказании беглых. Уральское начальство в лице Татищева и Хрушова постановило: беглых судить по Соборному уложению, а кто сам явится, согласно указа 1728 г. не наказывать, чтобы и другие являлись без опасения, «а о присылке новых Уложений и указных книг на дватцать Канцелярией писать в Генерал-берг-директориум»³¹. Таким образом, начальство, чтобы обеспечатить все конторы законодательными актами, решило запросить по 20 экземпляров Соборного уложения и такое же количество сборников указов. Столь крупная заявка была сделана в адрес Директориума 30 декабря 1736 г.

Нужда в новейших законодательных актах, в том числе и указах Сената, развивавших нормы именных указов, вполне понятна. Но следует

отметить, что сборников с российским законодательством 1730-х гг. не существовало. Судя по Сводному каталогу русской книги XVIII в., за последние 10 лет были изданы: в 1726 г. — копии указов, состоявшихся в 1719 и 1720 гг., в 1728 — указы и уставы 1727 г.; отдельно указы; в 1729 — указы 1728 г., в 1733 г. вышел сборник, включавший копии указов 1719, 1720 и 1721 гг.³²

Но отдельные, наиболее важные законодательные акты, указы Сената печатались в сенатской типографии в виде самостоятельных документов и рассылались по стране. Поскольку каталоги Академии наук содержали информацию о собственной печатной продукции, Сенат подобную информацию не предоставлял, Татищев, видимо, надеялся, что в сенатской типографии могут быть изданы сборники новейших указов, которые и были заказаны Генерал-берг-директориуму.

Наряду с отправкой заказа в Директориум, Татищев в этот же день, 30 декабря 1736 г., написал письмо библиотекарю Академии И.Д. Шумахеру, в котором высказал ряд важных мыслей в связи с печатанием Уложения. Во-первых, Татищев отметил своевременность этого издания: «Это в высшей степени нужное и полезное дело, так как повсюду в Уложении чрезвычайная нужда, так что его нельзя купить даже за тройную цену; поэтому судьи часто по неведению ошибаются, а просители вовлекаются в более тяжелые тяжбы»³³; кроме того, Татищев писал: «Уложение Академия может прислать сюда до 20 экземпляров... через Генерал-берг-директориум. Все они должны быть распределены по нашим заводам, этого требует крайняя необходимость»³⁴.

В этом частном письме Татищев выступил в роли человека государственного, знатока норм Соборного уложения и других законодательных актов. Он отмечал: «...если будет напечатано 2 000 экземпляров, то они в короткий срок будут разобраны, особенно если их разослать в разные провинции. Однако же если Уложение будет напечатано в том виде, в каком оно сейчас имеется, то большой пользы оно не принесет, так как в нем имеется много несовершенств и неисправностей или отклонений».

Татищев сформулировал девять существенных замечаний относительно текста этого важнейшего документа, применявшегося в судопроизводстве всех гражданских государственных учреждений: 1) «Во многих местах по-разному написано об одинаковых вещах, а различие не объяснено, отсюда судьи могут легко применить одно вместо другого. Например, написано, что вора следует допрашивать с пыткой, но способ не указан». В другом месте говорится о трехкратном применении кнута и огня, если вор дает противоречивые показания, большинство расценивает эти слова как норму, применяемую в отношении всех воров. Хотя в Военском уставе способы применения пыток показаны точно, «однако в гражданском положении последний не считается законом». 2) «То, что в од-

ном пункте написано кратко, в другом объяснено более пространно, но параллельные места не приведены и не указано, что одно разъясняется другим...». 3) Иногда есть ссылки на другие статьи, но в них по интересующему вопросу ничего не написано. 4) Некоторые статьи и даже целые главы Уложения уже не действуют, например 16-я «о земельных владениях отменена пунктами 1714 года и указом 1731 года». 5) «Кое-что или исправлено, или описано более пространно, или разъяснено совсем в другом смысле... наконец, многими указами дополнено и изменено, большая часть их не напечатана, и не всякий знает их, хотя они и признаются важными». 6) Кое-что «частью заменено», «изменено, кое-что сохраняет ту же силу, но, не будучи объяснено, порождает сомнение», например, «о делах воинских» (гл. 7, 10, 23), «это почти уже упразднено военными артикулами, однако в этих главах остаются такие подробности, которые в военных артикулах не упоминаются или выражаются иным образом». 7) Монетчикам, совершившим кражу, по Уложению полагается казнь, независимо от обстоятельств, «впоследствии же было составлено много статей, но они не опубликованы». 8) «Много нужных случаев обойдено молчанием или описано не очень тщательно»: например, женщине, убившей ребенка, родившегося от прелюбодеяния, полагается смертная казнь, а об убийстве родителями своего ребенка «пропущено». 9) «Об изнасиловании, о скотоложстве и тому подобном совсем не упомянуто в гражданских постановлениях, хотя в так называемой Степенной книге об этом ясно написано, однако эта книга не считается законом».

Татищев не ограничился внесением замечаний по тексту Соборного уложения. Как всегда в подобных случаях, он внес и ряд важных конкретных предложений по дополнению, совершенствованию норм.

1. Он предложил в предисловии оговорить «право монархов издавать законы», но, хотя они могут «по своему усмотрению объявлять законы, устанавливать новые, исправлять или отменять старые», пояснить, что подданные могут подавать законопроекты, при этом они должны «знать сущность естественного права, так как основанные на нем постановления не так легко допускают изменения или возможность иного их толкования». Татищев предложил также разъяснить, что «при составлении законов следует соблюдать в словоупотреблении, синтаксисе, расположении и тому подобном» правила, «чтобы те, кому поручено составление законов, могли пользоваться этими советами как предостережениями против ошибок».

2. Схожие нормы, имеющиеся в Соборном уложении, «следует отметить на полях, чтобы всякий мог легко найти их».

3. Неясные пункты, впоследствии получившие пояснения, дополнить этими пояснениями.

4. «Если что-нибудь отменено или изменено другими указами, то следует отослать к этим указам; если последние не напечатаны — напечатать во второй части».

5. «Если какие-нибудь пункты совсем опущены в Уложении, но текст их находится в других местах, их следует вставить в подходящих местах».

Татищев понимал, что внесение поправок в текст уже печатаемой книги — сложнейшая работа. Но и по ее организации и методам ведения у него нашлось что сказать. Он предложил дать поправки к уже отпечатанному тексту «в конце, как приложение или напечатать во второй части». Поскольку профессора Академии как иностранцы, не знающие тонкостей языка, не в состоянии внести поправки, русские же немногие сведущи в праве, Татищев предложил, «чтобы каждая коллегия или канцелярия сообщила Академии касающиеся их законы так, как они есть; наконец, все это, будучи собрано в один том, легко может быть напечатано, чтоб стать общеизвестным»³⁵.

Эти предложения Татищева, ярко демонстрирующие его прекрасное знание важнейших законов, его государственный подход к делу, конечно, остались на бумаге, не были учтены: в стенах Академии наук не нашлось людей, желающих взваливать на себя подобную работу.

Поскольку заказанная литература долго не поступала, а нужда в ней все возрастала, уральское начальство уже после отъезда Татищева в Самару, 23 сентября 1737 г. постановило: послать в Директориум доношение, «которым требовать, чтоб по представлению в оной тайного советника господина Татищева декабря от 30-го числа 1736-го года новые Уложения, указные книги разных годов, в том числе 1735 и 1736, [числом] на двадцать Канцеляреи благоволили прислать без умедления»³⁶.

В сентябре 1737 г. в них возникла особая нужда. Дело в том, что именной инструкцией, данной Татищеву в марте 1734 г. перед отправкой на Урал, ему поручалось улучшить ведение делопроизводства при заводах. Татищев составил свое Учреждение, определил форму ведения приходо-расходных книг денежной казны, заводских припасов. В связи с отъездом в Самару, 23 июня 1737 г. он просил Канцелярию «о присылке копиев с Учреждения о уменьшении письма и содержании окладных и памятных книг, также и о мастерских». Видимо, он собирался использовать эти нормативные документы и в порученной ему Оренбургской комиссии. Такие копии ему были переданы³⁷.

В сентябре Екатеринбургская казначейская контора предложила уральскому начальству сочинять счета о денежной казне не по форме, введенной Татищевым, а по российским образцам, установленным в январе 1736 г. Сенатом. Такая форма была обнаружена конторой в Екатеринбургской таможене. Поскольку в 1734–1736 гг., до появления Генералберг-директориума, Канцелярия Главного правления заводов подчиня-

лась непосредственно Кабинету министров, в нее не направлялись законодательные акты, рассылавшиеся в местные учреждения через руководящие ими коллегии и другие центральные ведомства.

Осенью 1737 г. местные власти неожиданно для себя обнаружили, что в Канцелярии отсутствуют не только печатные формы составления прихода-расходных книг денежной казны, которые имела таможня, нет и указов, «коих видно ис публичных в церквах», т. е. рассылавшихся из центра для чтения в народ, «и опасно от неведения оных быть погрешению, ибо может и других, и подобных оному, состоявшихся генеральных е. и. в. указов есть довольно, а здесь за не присылкою неизвестно». Поэтому Канцелярия Главного правления 23 сентября 1736 г. и решила требовать от Генерал-берг-директориума присылки, согласно представлению Татищева от 30 декабря 1736 г., «указных книг разных годов, в том числе 1735 и 1736 на дватцать»³⁸.

Часть наиболее важных указов уже прибыла к этому времени в Екатеринбург. Это ясно из определения Канцелярии от 22 сентября на доношение Пермского горного начальства, требовавшего «генеральных указов и регламентов» себе и в подчиненную Пыскорскую заводскую контору. Канцелярия определила: справиться, «каких подлинно там указов и регламентов нет, ибо генерально состоявшиеся указы, каковы бывают из главных мест, здесь получены, таковы и собскаются в подчиненные команды, и когда по выправке коих не явится, тогда требовать имянно, и оные пришлются»³⁹.

О присылке остальных «указных книг» мы сведений не имеем. Комплект же Соборных уложений поступил из Академии наук через Генерал-берг-директориум 30 сентября 1737 г., т. е. почти сразу же после отправки повторного заказа.

Приняв Уложения, уральское начальство постановило: «Книги оные переплесть, поклеить кожею и, сколько потребно, оставить здесь, прочие же разослать при указех в начальства и канторы заводские и здешней земские, и цену поставить на счет тех мест, а что денег за оные заплачено от Генерал-берг-директории, то принять на счет заводов и о том в Казначейскую кантору сообщить»⁴⁰.

Итак, благодаря передаче Татищевым собраний законодательных актов в 1734 г., январе 1736 г. и заказу наиболее важных указов и Соборного уложения в декабре 1736 г., Канцелярия Главного правления заводов, подчиненные ей начальства и канторы были обеспечены нормами действующего законодательства, которыми должны были руководствоваться в повседневной практике управления.

Судя по составу переданной литературы, Татищев и на Урале продолжал выписывать новейшие издания законодательных актов, причем в двойном числе экземпляров. Как выдающийся мыслитель, активный за-

шитник и выразитель государственных интересов, Татищев не мог не проявлять особого интереса к приобретению законов и по сути располагал всеми изданиями законодательных актов своего времени, за исключением самостоятельных указов, хотя имел и значительную их часть, касающуюся горных дел. После передачи партии законов в пользу заводов в январе 1736 г. в его личном собрании продолжало оставаться еще шесть актов подобного рода: Морской устав 1720 г., Духовный регламент 1721 г., Плакат о подушном сборе 1724 г., Морской пошлинный регламент 1731 г. и два экземпляра копий указов за 1714–1718 гг.⁴¹ Они вошли в состав библиотеки казенного ведомства в июне 1737 г., когда Татищев в связи с новым назначением покидал Екатеринбург.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 228. Л. 196.

² См.: Книги В.Н. Татищева в Главной библиотеке Ленинградского горного института: Каталог / Сост. В.Г. Бауман, Д.К. Салахутдинова. СПб., 1992. Зап. ЛГИ. Т. 124, № 94 и 47 (далее – Каталог ГБ ЛГИ).

³ См. об этом: *Сафронова А.М.* В.Н. Татищев и горнозаводские школы Урала в середине 30-х гг. XVIII в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. Вып. 2. С. 40–51. [Разработка В.Н. Татищевым законопроектов о школах при казенных и частных заводах Урала].

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 562. Л. 319,

⁵ Там же. Л. 322.

⁶ См. подробнее об этом: *Сафронова А.М.* Екатеринбургская библиотека горного ведомства: первое приобретение книг В.Н. Татищевым в 1734 г. // Вторые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ., Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 274–277.

⁷ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). М., 1964. Т. 2, № 3123 (далее СКРК).

⁸ См.: *Быкова Т.А. и Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати. № 431, 432 (далее ОИГП); *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959. С. 41–51, 56–64.

⁹ См.: ОИГП. № 674.

¹⁰ *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 122–129.

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 352 об.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 561. Л. 409.

¹³ Там же. Оп. 12. Д. 228. Л. 335.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 561. Л. 417.

¹⁵ Там же. Оп. 12. Д. 228. Л. 196.

¹⁶ Там же. Л. 221.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 882. Л. 14.

-
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 228. Л. 221.
- ¹⁹ См.: ОИГП, №170; СКРК I, 318.
- ²⁰ См.: Там же, № 431, 432 или СКРК I, 1348.
- ²¹ СКРК III, 7330.
- ²² Имелось другое подобное издание: «Копия с трактату между Российской империею и Англиею, о дружбе и коммерции, заключенного чрез уполномоченных со обеих сторон министров в Санктпетербурге, декабря в 2 день 1734 года». Этот документ был напечатан в типографии Сената в том же 1735, тоже «в двойку», но имел 13 страниц текста (см.: СКРК II, 3130), в реестре же в отношении обоих татищевских экземпляров указывалось 24 страницы.
- ²³ СКРК II, 4353–4355.
- ²⁴ См.: *Астраханский В.С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 12–37.
- ²⁵ ОИГП, № 789, 835; СКРК III, 7153.
- ²⁶ Там же. № 660, 705.
- ²⁷ См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974. С. 47–118.
- ²⁸ См.: ОИГП, № 287.
- ²⁹ См.: Там же, № 356, 785.
- ³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 238. Л. 203.
- ³¹ Там же. Д. 239. Л. 188.
- ³² СКРК II, 3119; III, 7423, 7424, 7466, 7467; II, 3123.
- ³³ *Василий Никитич Татищев*: Записки Письма, 1717–1750. М., 1990. С. 214.
- ³⁴ Там же. С.246.
- ³⁵ Там же. С. 215–216.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 248. Л. 290–291.
- ³⁷ Там же. Л.300.
- ³⁸ Там же. Л. 290–291.
- ³⁹ Там же. Л. 272–273.
- ⁴⁰ Там же. Л. 374.
- ⁴¹ *Астраханский В.С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. (№ 62, 531, 432, 473, 356).